

Час спустя он воскрес.

Смерть в «Безграничном нейтральном поле» ощущалась очень странно. Все вокруг обесцветилось; тело аватара стало полупрозрачным, как дым, и могло свободно двигаться, но не дальше десяти метров от точки гибели.

В центре поля зрения появился цифровой таймер, на котором с самого начала было «60.00.00»; когда обратный отсчет дошел до нуля, цвета окружающего пространства и ощущения тела аватара вернулись.

Глядя на приличных размеров кратер, созданный при падении, Харуюки произнес первое, что пришло в голову:

— ... Она точно подруга Черноснежки-семпай, без вопросов ...

Потом, положив руки на пояс, он задрал голову на возвышающуюся перед ним каменную стену — старую Токийскую телебашню.

— ...При следующей встрече, это значит... это значит...

...Нужно взобраться на вершину. Вот что это значит.

Покачав головой, Харуюки глубоко вздохнул. Где-то когда-то говорилось про льва, бросившего своего львенка в бездонное ущелье; но вроде в той истории смысл был в том, что львенок молодец, что выжил после падения.

Но у аватара Харуюки, в отличие от львенка, имелись две умелых руки. Более того, его тело исключительно легкое, а сила, говорят, даже камни пробивает.

— ...Взберусь, — прошептал он самому себе и сжал кулаки.

Конечно, перед ним было триста метров вертикальной скалы, но поверхность была не абсолютно гладкая, как стекло. В ней имелось множество трещин, за которые вполне можно было уцепиться руками и ногами, и даже маленькие ямки вполне реально было проделывать.

Решив с самого начала оставить знак своей целеустремленности, Харуюки слегка подсел и выставил правый кулак на уровне талии.

— Урьяа!!!

С этим возгласом он выбросил вперед удар. Кулак сантиметров на двадцать погрузился в

красновато-бурый камень.

Сунув в эту дырку правую ногу, Харуюки поднялся, и пальцы его левой руки уцепились за трещину над головой.

Оглядевшись по сторонам, Харуюки мысленно наметил маршрут начального отрезка восхождения и подтянулся на левой руке. Затем твердо поставил левую ногу на выбранный им выступ.

По правде сказать, ему не впервые приходилось так вот взбираться по скалам в виртуальном пространстве. Когда он бегал с винтовкой по джунглям и горам в различных шутерах, взбираться на скалы часто оказывалось очень полезно для устройства засад. Чтобы иметь это тактическое преимущество, Харуюки позаимствовал в библиотеке программу по VR-обучению скалолазанию.

Секрет легкого восхождения в том, чтобы, во-первых, с самого начала точно представить себе оптимальный маршрут, во-вторых, не липнуть к поверхности скалы.

Глядя вверх, насколько хватало зрения, и четко отмечая в голове, куда и как ставить руки и ноги, Харуюки методично лез по стене.

Солнце, окрашивающее небо на востоке в красные тона, тоже поднималось, словно наперегонки. Цвет утренней зари постепенно сменился тоскливым желтым.

Харуюки уже забыл, сколько раз он перехватился руками. Вершина башни растворялась в небе, ее было не видеть; если бы он кинул взгляд вниз, то обнаружил бы, что земля далеко. Однако вниз он не посмотрел ни разу; глядя исключительно в небо, он честно и целеустремленно штурмовал скалу. В основном он не думал о том, что делает, но сосредоточенность, с которой он отдавался подобного рода «играм», была, несомненно, единственной и величайшей способностью человека по имени Харуюки Арита.

Тренированная нервная система уловила вдали легкое подрагивание воздуха. Это был предвестник порыва ветра, типичного для арен со свойством «пустыня». Обе руки Харуюки мгновенно впились в щели, все тело прилипло к поверхности.

Несколько секунд спустя атмосфера содрогнулась, как будто великан подул, и мощный порыв ветра накинудся на Харуюки, пытаясь сорвать его со стены. Однако Харуюки не чувствовал ни капли страха — просто спокойно переждал. Потому что стройное, обтекаемое, без выступов тело Сильвер Кроу вовсе не создавало сопротивления воздушному потоку. Харуюки был уверен, что какому-то там ветру его не сдуть, и так в итоге и вышло.

Мерзкий великан наконец сдался, и Харуюки, переведя дыхание, продолжил подъем.

Солнце к этому времени поднялось уже до зенита и начало клониться к западу.

Каменная стена, казалось, тянулась вверх бесконечно, но вот наконец на фоне неба появилась дугообразная кромка. Торец цилиндра — вершина, где ждала Скай Рейкер.

Оставалось еще больше ста метров. Однако, двигаясь в таком же темпе, Харуюки доберется туда еще до ночи. Если подумать — слова Скай Рейкер «чтобы воспоминание об этом рагу осталось у тебя надолго» и улыбка на ее лице, когда Харуюки сказал, что в следующий раз проснется нормально, означали, скорее всего, что она не верила, что он сумеет подняться за один день.

Я тебе покажу, что способен добраться до вершины уже сегодня!

С этой решимостью (не переходящей, однако, в безрассудство) Харуюки продолжил размеренно атаковать каменную стену. Порывы ветра, после полудня изменившего направление, налетали все чаще, но Харуюки каждый раз вжимался в стену, и они проходили без последствий.

Небо постепенно приобретало более насыщенный цвет; начавшееся на рассвете восхождение длилось уже девять часов. Харуюки стал уставать. Он раздраженно заскрипел зубами — и тут его носа коснулся легкий цветочный аромат. Более того — одновременно его уши услышали шелест родника, а глаза увидели слабый голубой отсвет портала.

Скоро. Еще двадцать — нет, пятнадцать метров.

Если он доберется доверху с первой же попытки, даже Скай Рейкер будет в шоке. Харуюки с энтузиазмом заработал руками и ногами быстрее.

...Как вдруг.

В воздухе разлилось нечто, чего он прежде не ощущал, — тихий высокий звон. Эхо бесконечного числа колокольчиков, звонящих где-то очень далеко. Харуюки повернул голову на восток.

И застонал.

— Блин... паршиво...

Ему открылась сияющая вуаль, простирающаяся от самого неба и ласково глядящая землю.

Это был «переход». Суперкрупномасштабное явление, меняющее свойства всего «Безграничного нейтрального поля».

Харуюки вернул взгляд обратно и полез вверх с удвоенной быстротой. Время от времени его рука или нога срывалась, и он чувствовал, как покрывается холодным потом, но всякий раз пальцы находили подходящую щелочку и удерживались. Не дожидаясь, пока сердце успокоится, Харуюки прыгал к следующей точке опоры.

Словно поторапливая его, вуаль надвигалась с востока невероятно быстро, и колокольчиковый звон тоже становился громче. Переливающаяся всеми цветами радуги стена мгновенно стирала красновато-бурые цвета пустыни, после чего все возрождалось в другой форме. Да, мир обновлялся. После «перехода» убитые «энеми» генерировались заново, разрушенные детали ландшафта восстанавливались. Никаких «энеми» рядом с башней не было, но вот второе обстоятельство представляло проблему. Если вуаль накроет Харуюки, то все дырки, пробитые в камне острыми руками Сильвер Кроу, скорей всего...

— У... о!...

С этим выкриком Харуюки практически побежал вверх на четвереньках.

Однако ему не хватило пяти метров.

Колокольчиковый звон вжался ему в уши, радуга закрасила все, что было перед глазами; в следующий миг руки-ноги Харуюки отбросило от стены такой мощной силой, с которой он уже ничего не мог поделать.

— Блин... нееет...

Он молотил воздух руками, стараясь подобраться поближе к стене, но все было тщетно.

— Уа... а... аaaa...

Харуюки снова умер.

Час спустя, когда он воскрес, мир окрасился цветами заката, и это уже была не красная пустыня.

Всю землю ровно покрывала каменная плитка. А старая Токийская башня перед Харуюки была теперь собрана из блестящих иссиня-черных металлических плит. Арена «Демонический город».

— ...

Харуюки уселся на твердый камень и глубоко вздохнул. Будь это нормальная игра, сейчас бы он придавил головой подушку, чтобы отвлечься; но отсюда разлогиниться было невозможно, да

и сил на это у него не осталось.

Однако первая попытка вышла неплохо — он почти добрался. Скай Рейкер, похоже, была уверена, что тренировка займет недели, а может, и больше. Если так — можно сказать, он пока неплохо справляется. Харуюки сжал кулаки. В следующий раз непременно взберусь.

Ему очень хотелось бросить стене вызов прямо сейчас, но мысль, что ночью взбираться будет невозможно, его остановила. Решив, что полезет завтра с самого утра, Харуюки забрался в подходящее здание поблизости и улегся возле стены безопасной на вид комнаты.

Быть может, сказались девять часов постоянного напряжения — но на Харуюки внезапно накатила страшная сонливость, и он отрубился, не успев даже почувствовать голод.

На третий день его погружения в «Безграничное нейтральное поле».

Глаза Харуюки полезли на лоб от невероятного потрясения.

Вчера вечером он был беспечен и не заметил этого, но старая Токийская телебашня «Демонического города» была похожа на Саншайн-сити, где он дрался с Кром Дизастером, — и то, и другое было сделано из ровных и твердых стальных плит. Окон не было, соответственно, лестниц тоже. И — ни единой трещинки, куда могли бы вцепиться пальцы. А значит, взобраться по этой стене совершенно нереально.

— ...Ну, значит, буду делать дырки сам, — пробормотал Харуюки и, потюкав по стали пальцем...

...как и вчера, со всей силы долбанул кулаком.

После чего подпрыгнул и заорал.

— Ааай... ай!..

Острая боль, вдвое более сильная, чем «внизу», заставила его скакать на месте, держась за правую руку. Потом он устался туда, куда пришелся удар, но на иссиня-черной стене не осталось ни вмятинки. Неразрушимый объект... нет, такого быть не могло; но, скорее всего, в этих плитах невозможно проделывать дыры без какого-нибудь теплового луча или дрели. А у Сильвер Кроу, разумеется, подобного оборудования не было.

—Это что, мне следующего «перехода» ждать?..

Харуюки стиснул зубы, потом выругался. Через сколько дней вуаль нанесет следующий визит? И будет ли новая версия башни разрушаемой? Он понятия не имел. Дикое разочарование заставило Харуюки опуститься на колени.

Внезапно что-то стукнуло его по голове.

— Оа?!

Испуганно подпрыгнув на месте, Харуюки обнаружил упавший на землю белый полотняный сверток. Он задрал голову, но стальная спица уходила в серое небо, и наверху никого не было видно.

Однако этот сверток уронила рука Скай Рейкер — в этом Харуюки не сомневался. Он ошеломленно подобрал сверток, развязал узелок и обнаружил внутри большой каравай хлеба и листок бумаги.

Тут же на Харуюки накатило чувство пустоты в виртуальном животе; нижняя часть маски с жужжанием отъехала, и Харуюки впился в хлеб. Это был обычный хлеб, без начинки, но все равно Харуюки он показался немыслимо теплым, ароматным и вкусным, так что не оторваться.

Когда от каравая осталась лишь половина, Харуюки наконец перевернул бумажку и прочел написанные красивым почерком слова.

«Тренировка инкарнации уже началась. Подумай вот над чем: почему тебя не сорвало ветром?»

— ...Э?

После первого прочтения Харуюки не врубился в смысл.

Это стенолазание — оно же было до освоения «системы инкарнации», нечто вроде базовой тренировки; по крайней мере так Харуюки это понимал. Даже в фильмах про кун-фу, прежде чем учитель показывает приемы боевых искусств, всегда приходится много бегать по лестницам, разве нет?

И вот это: «почему тебя не сорвало ветром» — это тоже ерунда какая-то. Потому что он крепко держался, разумеется. И плюс у тела Сильвер Кроу хорошая аэродинамика. Поэтому, когда он прижимался к стене, ветер пролетал у него за спиной...

— А... — внезапно вырвалось у Харуюки. Он вдруг почувствовал, что подобрался к чему-то важному. Дожевывая остатки хлеба и даже не обращая на это внимание, он продолжил размышлять.

Инкарнация — это управление аватарами или объектами с помощью силы воображения.

Вчера, когда Харуюки влипал в стену, чтобы противостоять порывам ветра, ему даже в голову не приходило, что его может сдуть. Он верил, что мимо стройного, гладкого тела Сильвер Кроу любой ветер просвистит и не заметит, — и так оно в итоге и вышло.

Может, в те разы — сила «системы инкарнации» уже действовала? Может, его уверенность в том, что ветер его не заденет, как раз и приводила к тому, что давление ослабевало?

Если так — не сможет ли он подобным же способом разобраться и со стальной стеной?

После того как в рот отправился последний кусочек хлеба, маска шлема захлопнулась, и Харуюки пристально уставился на свою правую ладонь.

Пять пальцев — очень маленькие и острые на вид. Блестящая серебряная броня — очень твердая.

...Не пробивать надо, а пронзать.

После этой вполне естественной мысли Харуюки сжал пальцы вместе и вытянул руку вперед. Если запястье выпрямить, то все, что ниже локтя, выглядит совсем как меч.

Подсев, так что поясница оказалась на половине своей обычной высоты, Харуюки на этот раз уставился на стену перед собой.

Блестящие иссиня-черные стальные плиты казались чертовски прочными, однако это всего лишь объект на арене. Он не обладает сознанием, он просто существует. А значит, его физическое состояние — не более чем строчки кода, хранящиеся где-то на сервере «Brain Burst».

Если Харуюки не сумеет хотя бы дырку проделать в этой штуке, как вообще он может называть себя бойцом? Будь на его месте она — Черный король, Блэк Лотус — она наверняка разрезала бы эту стену, как масло, и даже не устала бы.

Харуюки опустил руку со сжатыми пальцами на уровень пояса. Глубокий вдох, выдох, еще вдох —

— ...Хааа!!!

С этим выкриком Харуюки выбросил руку вперед.

Раздался резкий звон, во все стороны полетели синевато-белые искры. По пальцам, запястью и локтю пробежала острая боль, от которой у Харуюки глаза заслезились. Полоса хит-пойнтов в верхнем левом углу поля зрения чуть укоротилась.

Харуюки упал на колени и застонал; но когда он поднял глаза — она там была! Трещинка сантиметровой длины и миллиметровой глубины в ровной стене.

В голове Харуюки мелькнули подряд две мысли. Сработает! И: Недостаточно!

Его воображения не хватало. Он воспринимал свои пальцы как пальцы, руку как руку — отсюда и боль. Думай о них как о мече. Как у нее — меч, способный пронзать и разрубать что угодно.

Харуюки встал и снова вытянул сжатые вместе пальцы. Немного подумав, он прижал большой палец к ладони. Теперь от локтя до кончика среднего пальца была прямая, вытянутая конструкция, словно так и задуманная по дизайну.

На этот раз он поднял правую руку не на уровень пояса, а почти до плеча и оттянул насколько мог назад. Левую же, держа горизонтально, выставил перед собой. Поза, которую он подсмотрел у Блэк Лотус, когда та применяла спецатаку «Дес бай пирсинг».

— ...Шшааа!!!

На этот раз отзвук удара был немножко выше и чище, чем от предыдущего. Пробившая руку молния боли вновь заставила Харуюки заскрипеть зубами, зато образовавшаяся в стене трещина получилась самую малость глубже.

День подошел к концу; все это время Харуюки сосредоточенно бил по стене.

Постепенно он перестал чувствовать боль, и к закату его кончики пальцев уходили в стену уже миллиметра на три, однако это был еще не тот уровень, с которым можно взбираться. Впрочем, особого нетерпения Харуюки не испытывал; он вернулся в свою вчерашнюю «спальню», чувствуя лишь удовлетворение и накатившую усталость.

То, чем я тут занимаюсь, — по-моему, своеобразная форма бегства.

Такая мысль просто не могла не прийти Харуюки в голову, пока он лежал на полу. С помощью ускорения он растянул время и тем самым отложил на потом свои проблемы с Тиюри, Такуму и Номи — это факт. Но сейчас он с удовольствием сосредотачивался на одной конкретной задаче, и это его спасало. Харуюки закрыл глаза и вновь заснул мертвецким сном.

Утро четвертого дня.

Харуюки стоял там же, где вчера, и смотрел на многочисленные шрамы в отсвечивающей голубоватым блеском стальной стене. Он размышлял.

Направление его воображения было верным. Он совершенно четко рисовал в голове остроту и твердость пальцев, силу удара. Но он чувствовал, что упускает что-то.

Пока Харуюки бормотал себе под нос, его вновь ударил по голове полотняный сверток. Быстро подобрав его, Харуюки задрал голову, прокричал «приятного аппетита!» и впился в хлеб.

Сегодня, кроме хлеба, тоже пришла записка. Харуюки раскрыл ее в нетерпении; там было...

«Держись, Ворон-кун ♡».

И больше ничего. Смутившись при виде сердечка в конце, Харуюки вздохнул. Он надеялся на еще какую-нибудь подсказку, как вчера, но увы.

Это значит, что я уже знаю все, что должен знать.

С этой мыслью Харуюки доел хлеб и снова принялся ломать голову.

Инкарнация. Воля разума. Сила воображения. В ушах Харуюки прозвучал голос Скай Рейкер.

«Воображение! Вот в чем главная, тайная сила Бёрст-линкеров».

Пого... дите-ка. Что-то похожее он уже слышал когда-то давно... очень давно — она так говорила.

Едва Харуюки об этом подумал, тот голос всплыл из глубины памяти.

«Слушай меня, Харуюки-кун. Ты быстр. Ты можешь стать быстрее, чем кто угодно другой. Быстрее, чем я; быстрее, чем другие короли. Скорость — главная сила Бёрст-линкера».

Черта с два он это забудет. Эти слова Черноснежка произнесла перед тем, как воспользоваться мощнейшей командой, «Физикл фулл бёрст», ради спасения Харуюки; эти слова она оставила, приготовившись умереть.

Тогда Черноснежка наверняка знала о скрытой силе Бёрст-линкеров, о системе инкарнации. Однако она назвала главной силой «скорость», не «воображение». Значит...

Эти две вещи — одно и то же.

«Скорость», о которой говорила Черноснежка, — не только скорость передвижения аватара на дуэльной арене. Это еще и скорость сигнала, который сознание посылает нейролинкеру. Скорость ответа между этим миром и самим Бёрст-линкером. То есть — близость к самой сути ускоренного мира, как-то так.

— Контроль... воображения...

Бормоча себе под нос, Харуюки поднял правую руку.

Не сила. Скорость. Вот что нужно представлять. Выйти на предел скорости. Подобраться к миру близко-близко, насколько вообще возможно. И слиться с ним.

— ...Хууу.

После этого негромкого выдоха рука Харуюки метнулась вперед, как луч света.

И на самом деле в пространстве мелькнула тусклая, но явственная вспышка. Раздался красивый звон, как от какого-то музыкального инструмента.

Увидев, что его пальцы погрузились в стену более чем на пять миллиметров, Харуюки сжал левый кулак.

Еще три дня Харуюки продолжал тренироваться в том же самом месте.

Он вставал на рассвете и жевал каравай, сброшенный сверху. В записочках, сопровождавших эти караваи, иногда было сердечко, иногда нет, но всегда были слова ободрения. Подпитываясь уверенностью от этих слов, он упорно продолжал наносить левые и правые джебы.

За четырнадцать лет жизни Харуюки никогда еще не сосредотачивался на чем-то одном так долго.

Нет — можно сказать, что в реальном мире подобное было вовсе невозможно. Реальное тело часто хотело есть, быстро уставало и плюс еще должно было ходить в школу. В «Безграничном нейтральном поле», ускоренном в тысячу раз, и с дуэльным аватаром, не знающим усталости, такое стало осуществимо.

Харуюки не мог видеть изменений ни в свете, испускаемом его пальцами, ни в глубине, на

которую эти пальцы впивались в металл. Но он не сомневался, что эти тренировки очень важны, и потому, едва думая о скорости сигнала, отправляемого от мозга к серверу, просто повторял одно и то же — в тысячный раз, в десятитысячный, в стотысячный.

Он чувствовал, что эти тренировки — не из серии «В один прекрасный день истинная сила открылась». Он понимал, что его цель накапливается из маленьких успехов, каждый из которых не различим глазом. Совсем как виртуальный сквош в локальной сети средней школы Умесато, где он постепенно наращивал свой результат. Сосредоточенность и повторение. Никаких обходных путей не существовало.

Точно... скорей всего, и Скай Рейкер, ожидающая на вершине стальной башни, и стоящие на вершине всего ускоренного мира Красный король Нико и Черный король Черноснежка — все они прошли этой дорогой.

Сейчас Харуюки не видел даже тени ее, идущей по дороге далеко-далеко впереди, но.

Когда-нибудь я тоже... я тоже доберусь дотуда, и ты увидишь.

Это твердое решение Харуюки принял на закате шестого дня, глядя на правую ладонь, пальцы которой ушли в толстую сталь на всю длину.

Чтобы научиться пробивать сталь, приникая к стене, у него ушло еще полдня.

Седьмой день пребывания в этом мире, около полудня.

Харуюки долго смотрел на слабый солнечный свет, пробивающийся сквозь густые черные облака, и наконец решил начать свое второе восхождение. До заката оставалось всего пять-шесть часов, но ему ведь не потребуется выискивать маршруты или возвращаться назад из-за отсутствия подходящих щелочек в камне, как было в «пустыне». Если он будет просто лезть по прямой, то, вполне возможно, достигнет вершины еще до ночи.

— ...Так!

Хлопнув себя по бокам шлема для воодушевления, Харуюки затем нанес по стене первый удар.

Белая вспышка, чистый звон — и рука-меч глубоко вонзилась в сталь.

Приподнявшись всем телом на крепко держащейся в стене правой руке, он левой атаковал участочек, расположенный чуть выше.

Скорость. Скорость света. Все его мысли были только об этом.

Постепенно из головы Харуюки исчезло даже само слово «скорость». Остался лишь образ острия меча, выбрасывающегося вперед подобно лучу белого света.

Удар. Подтянуть тело вверх. Сосредоточиться. Еще удар.

Поскольку при ударах пальцы должны были располагаться как можно горизонтальнее, каждым «шагом» Харуюки выигрывал всего сантиметров тридцать. Простой расчет показывал, что для того, чтобы взять высоту в 333 метра, потребуется нанести по меньшей мере 1110 ударов.

Однако Харуюки ни о чем не думал — он лишь сосредоточенно повторял одну и ту же последовательность действий. Он не глядел ни вверх, ни вниз, он забыл о прошлом и будущем; весь его мир сейчас составляли стена и кончики пальцев.

Удар. Удар. Дзынь. Дзынь.

Свет от его ладоней стал ярким, как лазер. Руки-мечи входили в сталь все глубже, так что их уже становилось трудновато извлекать, но Харуюки, не обращая на это внимания, продолжал бить и подниматься.

Его сосредоточенность была какой-то аномальной — больше даже, чем в той самодельной игре по уклонению от пуль. Зрительная и слуховая информация потеряла всякое значение, стальная стена тоже постепенно исчезла; в черноте, разлившейся повсюду, мигали только вспышки от левой и правой рук поочередно.

...Нет.

Он видел что-то.

Далеко, очень далеко в темноте покачивалось что-то голубое, как водная гладь.

Портал? И там еще кто-то. Весь в золотом сиянии, так что Харуюки видел лишь силуэт, но точно там кто-то был...

Харуюки хотел разорвать вязкую черноту собственными руками и отправиться туда. Он чувствовал, что его зовут.

— Ты... кто?..

Гулкое эхо подхватило звук, раздавшийся в темноте, и, словно среагировав на это, нечто вроде ответа, нет, сигнала —

В тот же миг слабая вибрация передалась телу аватара, и Харуюки распахнул глаза.

Перед ним была та же самая иссиня-черная стальная стена. Небо уже окрасилось в багровые тона. Скоро закат.

С востока, однако, шел другой свет, не от солнца, и Харуюки глянул туда. И тут же с неба начала падать радужная вуаль. Раздался колокольчиковый звон. «Переход».

Но на этот раз Харуюки не ударился в панику.

Он продолжал двигать руками в том же ровном темпе, что и прежде. Даже не задирая головы, он чувствовал, что вершина близко. Вуаль, словно намереваясь сбросить Харуюки, надвигалась с ошеломляющей быстротой. Воздух наполнился хлопками и гулом перестраивающегося мира.

Удар. Подтянуться. Удар. Подтянуться.

Одновременно с очередным ударом поле зрения Харуюки залила радуга.

Сброшенное щелчком пальца невидимого великана, изящное тело Сильвер Кроу отлетело прочь, в небо.

Сразу же Харуюки увидел вершину башни — она удалялась. Виртуальная гравитация облизала губы и потянулась к Харуюки —

Однако.

— ...Шшааа.

Тихонько выдохнув, Харуюки прямо из воздуха нанес последний удар по стене в двух метрах от него.

Раздалось негромкое «донн!», ослепительно-белый меч вытянулся и глубоко впился в стену, дотянуться до которой было невозможно.

И тут же, чувствуя полную уверенность в себе, Харуюки воспользовался этим мечом как опорой и изо всех сил подпрыгнул. Сделав сальто внутри вуали, он с хрустом приземлился...

...на траву небесного садика, где он стоял примерно неделю назад.

— С возвращением, Ворон-сан.

Этот тихий голос раздался прямо над Харуюки, стоящим на колене и уткнувшимся взглядом в траву.

Сопrotивляясь накатившей слабости, Харуюки с трудом поднял голову.

Аватар цвета неба в серебряной инвалидной коляске смотрел на него сверху вниз и улыбался.

— Ты вернулся гораздо раньше, чем я предполагала. Как и следовало ожидать от ее Ребенка.

В ответ Харуюки пробормотал нечто совершенно постороннее.

— ...Она же не должна была достать.

В голове у него намертво запечатлелось лишь одно — ощущение, которое у него было при последнем ударе.

— С такого расстояния моя рука никак не могла достать. ...Но я верил, что достанет... нет, я знал, что достанет. Если это... и есть инкарнация, то... — лишь теперь он посмотрел Скай Рейкер в глаза. — Это не то, что «управление действием». Это... намного глубже... самые основы мира... так сказать... так сказать...

Он мучительно шарил в своем словарном запасе, пока наконец не сумел облечь в слова то, что чувствовал:

— Так сказать, что-то типа «перезаписи фактов»...

— Да, в точности так.

Скай Рейкер убрала улыбку с лица, сцепила пальцы рук и произнесла внушительным тоном:

— «Оверрайт[1]». В этом слове вся суть инкарнации. Но ты бы не понял этого, если бы просто услышал слово. Это нельзя понять, это можно только испытать самому.

— Овер... райт, — сипло повторил Харуюки. Скай Рейкер чуть кивнула.

— Система инкарнации — управление воображением, встроенное в программу «Брэйн Бёрст», — изначально была чисто вспомогательной. Просто система поддержки передвижения аватара, чтобы им легче было управлять. Однако если сознание работает очень быстро и импульс воображения очень сильный, он преодолевает программные ограничения и материализуется.

Колеса, которые не должны крутиться, крутятся, рука, которая не должна дотягиваться, дотягивается. Сила воли, сила мысли способна перезаписывать факты.

При этих словах на Харуюки, уже освоившего самые азы системы инкарнации, накатило сильнейшее чувство благоговения.

Уже полгода прошло с тех пор, как он начал играть в эту игру, «Brain Burst». Да, это должна была быть просто игра. Но среди того огромного числа игр, в которые он играл до сих пор, хоть в одной сила воображения... сила «инкарнации» имела значение?

Инвалидная коляска, скрипнув, подалась вперед и остановилась прямо перед Харуюки, который так и стоял на колене, охваченный эмоциями.

Увидев протянутую правую руку, Харуюки неуверенно взялся за нее. Тут же его неожиданно сильно потянули вверх, и он встал, пошатываясь.

Скай Рейкер убрала руку, снова улыбнулась и произнесла нечто, чего Харуюки совершенно не ожидал.

— ...Теперь мне больше нечему тебя учить.

— Э...

У Харуюки перехватило дыхание, и он отчаянно замотал головой.

— Но, но, я же еще не... я же только по стене научился лазить! Это же еще совсем не летать... мне еще столькому надо научиться...

— Я ведь уже говорила, Ворон-сан. Я не смогла дотянуться до неба, — спокойно ответил аватар небесного цвета и медленно покачал головой. — Быть может, когда-нибудь ты сумеешь полететь на одной лишь инкарнации. Однако это, скорее всего, потребует невероятно много времени. Даже если ты будешь постоянно изо всех сил тренироваться в этом мире... лет десять.

— Десять...

Харуюки потерял дар речи. Он закрипел зубами — и наконец выдавил:

— Это... неважно. Если это позволит мне летать... то я...

— Нельзя, — вдруг жестко оборвала его Скай Рейкер. — Полгода, год... ты еще сможешь вернуться. Но тот, кто проживет в этом мире десять лет, уже никогда не вернется в реальность.

— Ээ...

— Реальный мир перестанет что-то значить. Этот человек бросит школу, забудет друзей, он будет просто сидеть взаперти у себя в комнате и думать, что одного этого мира ему достаточно. В «Безграничном нейтральном поле» таких Бёрст-линкеров немало. Они не тренируются больше, не участвуют в дуэлях — просто сидят здесь, чтобы сбежать от реальности... Скажи, Сильвер Кроу. Почему ты стал играть в эту игру, в «Брэйв Бёрст»?

Услышав этот неожиданный вопрос, Харуюки помялся, потом вдохнул и ответил:

— Чтобы... стать сильнее. Стать сильным и добраться до десятого уровня вместе с ней... пройти игру. Чтобы узнать, что впереди, я...

— Тогда тебе не следует больше здесь оставаться. Если ты не вернешься, то рано или поздно начнешь бояться конца этого мира. Ты будешь хотеть лишь одного — чтобы ускоренный мир продолжал существовать. Если ты не хочешь потерять то, что сейчас чувствуешь... пожалуйста, вернись в реальность.

— Но, но... я... я... — и, продолжая мотать головой, Харуюки выкрикнул: — Я хочу летать! Нет... я... должен снова полететь.

Харуюки опустился на колени прямо в траву, но руки Скай Рейкер поддержали его.

Скай Рейкер крепко прижала его к груди; все его тело застыло от шока, а тем временем возле правого уха раздался нежный шепот:

— Все хорошо. Я дам тебе свои крылья.

— Э...

— Мое «Усиленное вооружение», «Ураганный двигун». Сейчас ты сумеешь им воспользоваться... наверняка сумеешь взлететь так высоко, как я не смогла.

Харуюки чуть сознания не лишился от мягкого ощущения под белой тканью платья, ощущения, которого совсем не ожидал от аватара; тем не менее он каким-то чудом сумел привести мысли в порядок и дрожащим голосом спросил:

— ...П-почему... почему ты так много делаешь для меня? Это, это поздновато немного, но... ты же Родитель Эш Роллера, а мы с ним —

— Друзья. Разве нет? — мгновенно ответила она, и у Харуюки вновь перехватило дыхание. — Этот малыш всякий раз после дуэли с тобой, побеждал он или проигрывал, радостно

рассказывал мне о том, как это было. Иметь такого соперника — большое счастье. Даже в другом легионе. Вот почему я хочу, чтобы ты снова летал, — ради него.

— ...

После долгого-долгого молчания Харуюки сумел наконец выдать:

— ...Огромное тебе спасибо.

И тут, хоть и слишком поздно, но все же до него дошло, как сильно Эш Роллера разочаровало — да нет, оскорбило — его поведение во время последней дуэли. Выразить словами клубок эмоций, набухший в груди, было совершенно невозможно, и Харуюки лишь повторял одно и то же слово:

— Обязательно... обязательно, обязательно.

— Да. Ты обязательно сможешь преодолеть эту стену. Ладно... пора тебе покинуть этот садик, Ворон-сан. В следующий раз мы встретимся уже в реальном мире.

— Э... эээ?!

Вскинув голову при этих совершенно немыслимых словах, он увидел прямо перед собой улыбающиеся красные глаза.

— Это же очевидно. Чтобы передать другому «Усиленное вооружение», нужно либо воспользоваться магазином как посредником, либо напрямую соединиться в реальности. Если я его продам, в магазине оно будет стоить астрономическую сумму — ты никогда в жизни не заплатишь столько бёрст-пойнтов.

— ...Т-такое дорогое...

— Ничего, ничего, тот малыш тоже ведь мечтает летать... Давай договоримся о месте и времени... так, в семь утра перед западным входом станции Синдзюку...

Дальше Скай Рейкер назвала торгующую гамбургерами кафешку, которую Харуюки знал; несмотря на свое потрясение от слишком бурного развития событий, он кивнул. У него будет еще полно времени, чтобы успеть в школу.

— Договорились. Ну ладно... ой?..

Разжав руки, Скай Рейкер собралась, видимо, помочь Харуюки подняться, но вдруг склонила

голову чуть набок. Ее палец потыкал в середину бескрылой спины Сильвер Кроу.

Было щекотно; Харуюки, терпя, тоже склонил голову набок.

— Аа, там... что-то есть?..

— Нет... ничего. Ладно, тебе пора.

На этот раз Скай Рейкер помогла Харуюки встать и с улыбкой кивнула.

Не зная, как выразить свою благодарность, Харуюки поклонился настолько глубоко, насколько это вообще было возможно, и дрожащим голосом произнес:

— ...Огромное спасибо, Скай Рейкер-сан. Это... рагу и хлеб были очень вкусными.

И, пока она не догадалась, что под шлемом он плачет, Харуюки развернулся, запечатлел в памяти закатное небо новой формы «Безграничного нейтрального поля» и прыгнул в покачивающийся голубой портал посреди садика.

Очнувшись у себя в постели в реальном мире, Харуюки какое-то время продолжал лежать под простыней.

Наконец он кинул взгляд на часы — всего 21.10. И тем не менее у него было такое ощущение, будто его не было дома очень долго. От вкуса пиццы, съеденной перед самым погружением, не осталось и следа.

Всего десять минут прошло здесь — и больше недели там; Харуюки прочувствовал разницу. Если он проведет там полгода или год, что будет? Губы Харуюки сжались — и правую щеку резанула боль.

Он не должен был забывать, откуда эта боль.

Он наговорил ужасных вещей Такуму, и тот его ударил.

— ...Надо будет извиниться... — пробормотал Харуюки, прикоснувшись к щеке кончиками пальцев. Он должен искренне извиниться, чтобы они с Такуму снова стали партнерами, а потом любой ценой вернуть то, что было отобрано. Свою гордость — и свои крылья.

Харуюки снял нейролинкер, выставил будильник на прикроватной полочке и закрыл глаза.

Тут же на него навалилась усталость от восхождения в том, другом мире. И Харуюки провалился в черную яму сна.

Примечания

[↑] Overwrite — (англ.) «перезапись».

<http://tl.rulate.ru/book/16997/344355>